

Вера Петровна Желиховская

Князь-рыцарь

Фантастические рассказы

Вера Желиховская

Князь-рыцарь

«Public Domain»

1896

Желиховская В. П.

Князь-рыцарь / В. П. Желиховская — «Public Domain»,
1896 — (Фантастические рассказы)

«...Я помню много весёлых святок в моей молодости; помню ещё старые, деревенские святки, с «медведем и козой», с «гудочниками» и ворожеей-цыганкой; с бешеной ездой на тройках по снежным сугробам, с аккомпанементом колокольцев, бубенчиков, гармоний, балалаек, а под час и выстрелов ружейных, в встречу сопровождавших наш поезд из лесу волков, десяткам их прыгавших, светившихся ярко глаз. То были святки!..»

Вера Петровна Желиховская

Князь-рыцарь

Святки!.. Не кажется ли вам, что самое это слово, в наше время – анахронизм?.. Мне кажется, что оно совершенно утратило свой первобытный смысл и скоро станет нам, россиянам, совсем непонятным термином без всякого внутреннего значения. Разве есть у нас *святки*?.. Никаких! Особенно в столице. У нас есть зимние праздники. Время, по преимуществу, балов, визитов, выродившихся, опошлевших и всем надоевших маскарадов и расходов! Преимущественно расходов, по мелочам, на извозчиков, на швейцаров. Вот и всё!.. Даже и в захолустьях нет уже того, что бывало в прежние, сравнительно, ещё не старые времена. Где наши прежние весёлые гадания? Где вещие кольца, зёрна, кутьи и петухи – предсказатели свадеб?.. Где весёлые переодевания, шумные поездки ряженных из дома в дом, по знакомым? Где бывшие *вторжения* в семейные, тихие дома, со своим перекатным, заразительным весельем, с песнями, музыкой, пляской?.. Где наши прежние развесёлые, широкие, всероссийские святки?.. Нет их!.. «А *святки* уж нет и не будет уж вечно!»

Уж дети наши не верят рассказам о прежнем задушевном, непритязательном веселье; внуки его совсем не поймут.

Куда нашей бедной нынешней молодёжи – переученой, пересыщенной, не успев пожить – отжившей, – постигнуть бывшее здоровое, самобытное умение веселиться наших отцов и матерей!

Пятьдесят лет тому назад ещё бывали святки по всей Руси. Лет тридцать тому назад ещё их знавали по деревням и кое-где в дальних провинциях. Ныне сомневаюсь, чтобы сохранилось такое счастливое захолустье, где девушка в семнадцать лет мечтала бы о святочном гадании, а юноша задумывал повеселиться в ватаге ряженных товарищей.

Я помню много весёлых святок в моей молодости; помню ещё старые, деревенские святки, с «медведем и козой», с «гудочниками» и ворожеей-цыганкой; с бешеной ездой на тройках по снежным сугробам, с аккомпанементом колокольцев, бубенчиков, гармоний, бала-лаек, а под час и выстрелов ружейных, в встречу сопровождавших наш поезд из лесу волков, десяткам их прыгавших, светившихся ярко глаз.

То были святки!.. Настоящие разгульные, русские святки, где все дома, все семьи, все классы принимали участие. Где «господа» не гнушались переряженной в тулупы навыворот, в бороды из пакли, горбы из подушек, и лица, вымазанные пробкой и сажей, своей прадедовской прислуги; где прислуга принимала радостное участие в затеях «молодых господ», в успехе их переодевания, в полночных их гаданиях. Где, наконец, находилось время и место и кадрили, и польке, и мазурке в светлой зале, под звуки фортепиано, а не то и настоящего оркестра, и залихватской камаринской с трепаком; и мистификациям ряженных вторжений и вопрошениям судьбы с призывами пред зеркалами, в тёмных банях, суженых на полночные угощения.

Не знавали мы в те, не мудрствовавшие лукаво, времена ни гипнотизмов, ни передачи мыслей, ни явлений спиритизма, ни предсказаний медиумов, ни чтения судьбы в «астральном свете»; никаких проявлений наших нынешних, многоиспытанных, без меры бережимых чудесами времён, но бывали и тогда, – как и во все века веков, – необыкновенные, загадочные происшествия...

Один такой весьма странный случай произошёл, именно, в разгар святочного веселья, лет пятьдесят тому назад.

В одной из губерний средней полосы России, под самым губернским городом, находилось богатое имение Белокольцево, помещиков того же прозвища. В ту пору семья была большая, молодёжи в ней, особенно барышень, было много, и все прехорошенькие. Только старшая была замужем за местным начальником губернии. Это обстоятельство прибавляло много значения

семье, хотя и немного, по-видимому, доставляло счастья самой виновнице этого общественного отличия. Варвара Сергеевна, рождённая Белоколыцева, была скромна и неприязнительна и особой сласти в титуле «превосходительства» и в том, что жандармы ей в соборе и прочих народных сборищах дорогу очищали, не видела. Близкие, да, пожалуй, что и все в городе, знали, что был у неё в девицах роман с одним молодым человеком, забракованным её матушкой, по бедности его и нечиновности, и все жалели молоденькую губернаторшу. Надо сказать правду, что муж её тут был не при чём! Он был добрый человек, весьма представительный; очень любил свою хорошенькую супругу и, женившись в скорости по приезде на место, даже не знал, вероятно, её горя.

Знакомые Белоколыцевых поговаривали, что и ещё затевает Аполлинария Антоновна свадьбу: вторую дочь свою, Сашеньку, прочит за председателя палаты Щегорина; но уж такой брак всему городу на соблазн был и на осуждение: Щегорин был уродливый, тучный шестидесятилетний селадон, уморивший двух жён и, к тому же, имевший, всем заведомо, большую семью с левой руки, где сыновья уж сами были женаты. Богатство его уж очень было соблазнительно для старухи Белоколыцевой!.. Жадна была до денег и честолюбива чрез меру, – всё ей хотелось из дочек своих сановниц делать и богачек.

Кроме своих детей, в доме Белоколыцевых жила родственница, Марья Леонидовна Карницына, когда-то женщина богатая, но разорённая неудачными спекуляциями мужа; покойный генерал Белоколыцев приютил всю семью своего родственника и друга, с которым водил не только хлеб-соль во время его благосостояния, но и большие дела. Ходили слухи, что Белоколыцевы не даром дали кров вдове и двоим детям Карницына; что по старым счетам генерал оставался много должен родственнику, и все были, вместе с Марьей Леонидовной, уверены, что в завещании генерала они забыты быть не могут; так как он разбогател после смерти Карницына, то легко мог уплатить вдове его долг, ему недоплаченный.

Белоколыцев сам не скрывал, что имеет это намерение, но никакого распоряжения по этому делу не сделал, а потому хоть и не сладко по смерти его приходилось житьё вдовы в чужом доме, но она терпела ради детей. Дочь её училась вместе с меньшими Белоколыцевыми, когда отец их скончался, а сын только что поступил в университет и теперь был уже на последнем курсе.

Жил ещё с ними, в деревне, один юноша, родственник, родной племянник покойного генерала Сергея Фомича, Юрий Петрович Белоколыцев или Юша, как его все называли; не столько по юности, как по немощи его: он совсем был юродивый. Не то, чтобы сумасшедший, он всё понимал и всех знал, как знают всё и всех пятилетние дети, не более. Тихий, услужливый, молчаливый, Юша никому не мешал, а к нему все относились жалостливо, как к больному, хотя, в сущности, он был рослый, здоровый парень, лет двадцати пяти.

Несмотря на житьё в деревне, Белоколыцевы вели очень рассеянную, шумную жизнь. Несколько вёрст расстояния препятствием к участию во всех городских увеселениях служить не могли; сами же они то и дело сзывали весь город на свои деревенские пиры, обставленные в ту пору всеми удобствами и всей доморощенной роскошью и хлебосольством богатого барства, на основах непоколебимого крепостничества. Аполлинария Антоновна хотя была бой-баба, суровая в отношениях к семье и к прислуге, но любила весёлую, гостеприимную жизнь, была прекрасная хозяйка и с обществом, уже не говоря про власти, всегда умела прекрасно ладить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.